

НАТАЛЬЯ СМЕРЕЧИНСКАЯ

НЕПРАВИЛЬНАЯ
ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ПРАВИ

The poster depicts a dramatic scene where a woman with long, flowing white hair and ornate golden robes floats in the air, reaching out her hand. Below her, a woman with long dark hair, wearing a black leather jacket and a necklace, sits on a rocky ledge, looking up and reaching her hand towards the floating figure. The background is a fantastical landscape with a large, dark castle on a hill, a winding river, and a sunset sky with a bright sun and a visible galaxy. The title is written in large, stylized letters at the bottom.

Наталья Смерчинская

**Неправильная
хранительница Прави**

«Автор»

2026

Смеречинская Н.

Неправильная хранительница Правы / Н. Смеречинская —
«Автор», 2026

Быть полукровкой — удовольствие сомнительное. Особенно когда в одном мире ты чужая, а в другом тебя упорно считают недостойной даже внимания. Но Настя не из тех, кто станет всю жизнь выпрашивать чужое признание. Ещё посмотрим, кто чего стоит, когда привычный мир полетит кувырком! И уж точно она не собирается ничего доказывать одному заносчивому красавчику. Ну... почти не собирается.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наталья Смеречинская

Неправильная хранильница Правы

Глава 1

Книга посвящается моему дедушке Николаю. Крещенному с душой язычника, что сумел раскрыть маленькой девочке целый мир. Полный удивительных сказок, существ и магии природы. Научив видеть чудеса в самых обыденных вещах и повседневности

Поздняя весна в деревне — это мое самое любимое время. Нет уже ненавистных и опостылевших сугробов, не донимают слякоть и кваша, в которой грузнут сапоги по самые колени, добреет холодный кусочий ветер. Превращается в нежный и теплый ветерок, что, как домашний ласковый котенок, так и норовит потереться о твои щеки и поиграть волосами.

Но в то же время нет изнуряющей и удушливой жары, что так и норовит ударить побольнее в самое темечко. Да и мошкара ведет себя сонно и прилично, не набрасываясь дикими и изголодалыми стаями на ничем не прикрытое тело.

Так что май в деревне я обожаю, как, впрочем, и собственного деда, к которому в кои-то веки вырвалась из тесного и гнетущего города.

— Явилась вертихвостка, — бормотал дед, отворачиваясь, чтобы скрыть в старческих глазах мелькнувшую там радость. — Напрыгалась и решила нас, деревенских, облагодетельствовать. С чего нам такая честь, барышня?

— Не сердись, дед, — усмехнулась я, ставя тяжелую сумку у ворот. — Здравствуй, Васенька.

Поздоровалась с черным, здоровенным котом, что бесшумно присел у замызганных сапог деда и смотрел на меня не мигая своими желтыми глазами.

— Пустите погостить? — весело улыбнулась и кивнула на свою сумку. — Я вам тут гостинцев привезла.

Дед лишь возмущенно фыркнул, но, скосив глаза на кота, кивнул.

— Заходи! Что с тобой еще делать, манипуляторша?

Не ожидая другого ответа, я подхватила сумку и переступила порог своего деревенского наследия. Ох, как же здесь было хорошо, как замечательно!

Воздух был свеж и чист. Травы, земля, цветы, речка, волшебство... Все смешивалось в один уникальный коктейль, что врывался в грудь и распирает ее, наполняя до отказа. Он пока еще ласкает, а не сжигает огнем, и я с удовольствием пробую его на язык, как самая натуральная змея.

Как же я люблю быть здесь и как мне тяжело покидать это место.

Скучная учеба на последнем курсе универа, будущая карьера в крупной компании, подружки и вечеринки — все это звучит как мечта для любой девушки моего возраста, но...

Для меня это лишь тяжелая и ненавистная ноша, что придется тащить всю жизнь. Мое сердце рвется сюда, но, увы... Есть вещи, которые, к сожалению, нельзя изменить.

— Заноси в дом, чего встала? — Дед, уперев руки в бока, неодобрительно посмотрел на меня. — Али прислугу ждешь? Таких здесь не держим.

— Сейчас занесу. — Я лишь привычно пожала плечами, совсем не обижевшись. Прекрасно знаю, что дед будет бурчать и дуться еще несколько дней, но вскоре растает. На самом деле он очень ждет моего приезда, в чем, конечно же, никогда не признается, но поделаться никто из нас ничего не может.

А вот кот... С котом нужно договариваться отдельно.

— Как ты, Васенька? — спросила нарочито любезно и полезла в сумки. — Вкусняшек будешь?

Но кот, не дожидаясь, пока я достану припасенную лично для него взятку, поднялся и, окатив меня презрительным взглядом, развернулся и величественно ушел в дом, помахивая распушившимся хвостом, как опахалом.

Мысленно вздохнула и, запихнув наполовину вытащенный пакет назад, подхватила сумки и поплелась в дом.

Да-а, Васька у нас — отдельный разговор. Не выгнал — и на том спасибо. Только уж больно он сегодня неласков со мной. Да и хвост вроде как полысел. Или мне показалось?

Ладно, не все сразу. Решила спросить деда позже и про Ваську, и про чересчур неласковый прием. Но это опосля... Сначала вещи брошу, в баньку сбегу. Смою с себя весь этот городской дух в добротных травяных отварах и Глашку заодно расспрошу. Она-то словоохотливее деда и Васьки будет.

А еще точно радости от моего приезда скрывать не будет. Скучно ей, бедняге, одной, без девчачьей компании. Заодно и сплетни последние за год послушаю. Вернее, за три, так как...

— Ты ли это, Настенька?! — вкрадчивый голос, прозвучавший за воротами, заставил обернуться и тут же спрятать руку за спиной, скрестив пальцы в защитном жесте. — Как выросла! Какая красавица стала!

На меня, улыбаясь во весь беззубый рот, смотрела одноглазая соседка, баба Марья, жадно ощупывая взглядом каждую складочку на моем модном джинсовом комбинезоне.

Эту еще чего сюда принесло?

— Надолго ли к нам? — захихикала старуха, опираясь на клюшку и стараясь не касаться нашего забора. — Заскучала, поди, по деду? Оно и правильно, подмога ему теперь не помешает...

— Ах ты! А ну уйди, окаянная! — дед появился неожиданно из прохлады сеней, избавив меня от обязанности отвечать скверной старухе. — Чего здесь забыла? Не твое время, злыдня!

— Чего это ты так осерчал, Всеволодушка? — залюбезничала баба и сделала шаг от ворот, а потом еще один. — Я вот Настеньку увидела и решила поздороваться. По-соседски!

— По-соседски?! — рядом с дедом уже стоял Васька, распушив свой хвост и шипя на Марью.

«И правда, хвост у него полинял, — подумала я. — Не показалось».

— Пошла вон отсюда! — прорычал дед и, схватив небольшое полено со свеженаколотой кучи, пошел к бабке. — Ишь чего захотела — поздороваться!

— А чего ты... — бабка взвизгнула и отскочила с такой прытью, что совсем не ожидаешь от женщины почтенного возраста. — Все равно ничего ты не поделаешь, старый! Время твое уходит!

Дед ответить одноглазой соседке не успел. Разозленный Васька одним махом запрыгнул на забор и бросился на обнаглевшую соседку. Завопив от страха, баба Марья бросилась по улице, совсем не соблюдая конспирации.

Хотя о чем это я? Какая конспирация, когда здесь все свои?

Но вот слова соседки... Хм-м.

— Дед, — позвала я предка, который переводил дух и очень злобно поглядывал вслед напасти. — Что происходит?

Всеволод Еремин, колдун в тринадцатом поколении и седьмой хранитель врат в Явь, перевел свой взгляд, в котором еще плясали красные угли, на меня и устало покачал головой.

— Зря ты сейчас приехала, Настька! Ой, зря!

Естественно, большего от деда я так и не добилась. «Ничего», «Все нормально», «Зачем пристала» — вот и весь разговор. Развернулся и ушел в дом, прихватив вернувшегося и взбодраженного боевого кота.

Не то чтобы меня удивила такая реакция, но все же поведение деда, плачевный вид Васьки и наглость черной ведьмы, что никогда, все мои двадцать лет и четыре месяца, носа не показывала на нашу сторону села, не на шутку встревожили.

Что тут происходит, болотные черти дери?

Но дед, конечно же, не скажет. Ваську допытывать бесполезно, он вообще меня игнорирует. Остается только Глаша. Моя незабвенная подруга и самая главная сплетница в наших краях.

Поэтому, приняв решение поторопиться с банькой и прихватив тяжелую сумку, я ступила в дом, низко склонив голову в небольшом дверном проеме.

В доме привычно пахло глиной и травами. А еще чем-то горьким, чего было уже не разобрать.

«Опять дед химичит», — улыбнулась Настя, обводя любовным взглядом деревянные балки, узкую кровать, застеленную цветастым покрывалом, пузатую побеленную печку, деревянный стол, где в блюдечке, под чистым полотенечком, угадывалась краюха свежего домашнего хлеба.

Две лавки по бокам от стола стояли чинно и торжественно, как парадный караул, а в углу за шторкой ютился добротный дубовый шкаф со всякой утварью.

Ничего не поменялось в доме у деда, разве что небольшой столик со швейной машинкой да мою кровать передвинули. А так...

Все на своих местах! Все как всегда! На что я очень сильно надеюсь.

Тревога кольнула шилом в сердце, но я отогнала ее, решив не поддаваться мрачным чувствам. А то еще злыдней призову, дед меня тогда точно из дома вышвырнет, не дожидаясь положенных шестидесяти дней.

Так что, отбросив все ненужные думы, я ловко опустила сумку на лавку и радостно произнесла:

— Ну здравствуй, дом! Спасибо, что принял и приютил!

В ответ по дому пробежала дрожь, и половицы довольно заскрипели. В отличие от деда и Васьки, наше родовое гнездо никогда не скрывало, что радо принимать родную кровь.

Улыбка вернулась на мои уста, и я принялась выкладывать на стол привезенные из города подарки деду и Ваське.

Крепкая веревка, добротная кожаная куртка, балык, копченая рыбка, кальмары и молочные сосиски, от которых строгий и суровый Васька плыл, как мороженое под июльским солнцем.

Кажется, все?

Я придирчиво осмотрела сумку на наличие других подарков родне. Нет, кажись, для моих мужчин действительно все.

О, а вот и Глашины подарки. Пачка морской йодированной соли и скребок для пяток в виде смешного осьминога.

Подруге должно понравиться.

Расшнуровав крепкие ботинки и стащив вспотевшие носки, я нащупала под кроватью свои розовые шлепанцы, что смиренно ожидали меня там еще с прошлого года, и, прихватив пушистое полотенце, огромную футболку с Минни Маус и свежее белье, весело пошлепала в баню.

Ни деда, ни кота на горизонте не наблюдалось, но мне это было только на руку.

Сейчас мы быстренько все разузнаем и без этих конспираторов.

Девочки, они такие девочки.

Глава 2

— Глашенька, ты где?! — тихо позвала подружку, входя в полную пара баньку.

Здесь было горячо и влажно. Видимости никакой, но я уже привыкла. Быстро стащила джинсовый комбинезон и нижнее бельё и аккуратно сложила на лавку у входа.

Глаша хоть и добрая, но жуть как беспорядка не любит. И даже может наказать неряху, если такой посмеет ступить в её вотчину.

А что вы хотели? Банный дух. Издержки профессии, так сказать.

Не успела я раздеться и нырнуть поглубже в сизое нутро пара, заполнившего баню, как на спину мне опустились две влажные ладони, а сама я была прижата к тощей груди банницы.

— Настька! — завопила Глаша, самостоятельно нарушая введённый ею же режим тишины. Но, как говорится, что позволено королю... — Настька! Наконец-то! Ах, как же я соскучилась!

Банница щедро расцеловала меня в обе щёки, оставив на них влажные потёки, но я мужественно терпела, позволяя подруге излить всю скопившуюся за год любовь.

— Я тож сучала, Глаша. — Я неловко похлопала банницу по худой и узкой спине и лукаво намекнула: — А я тут не с пустыми руками.

Хозяйка бани восторженно запищала и ещё раз стиснула меня в объятиях, на этот раз плохо проконтролировав нечеловеческую силу, отчего мои косточки жалобно скрипнули.

Но всё же желаемого эффекта я добилась. Меня отпустили и обратили своё внимание на полотенце, в которое я завернула гостинцы.

— Ох, Настя, ну давай, показывай! Хотя нет, подожди. — Банница повела носом над моим полотенцем. — Неужто то самое?

Я улыбнулась и откинула край полотенца.

— О-о-о, — простонала в экстазе банница и снова бросилась меня целовать и обнимать. — Откуда она?

— Средиземноморская, — поведала подруге, уже не сдерживая смех.

— Настюха!!! — снова простонала подруга, отрываясь от меня и бросаясь к возжеленной соли. — Это ж... Это ж мне на целую неделю отдыха хватит. О-о-о!!!

— Наслаждайся, — и с ловкостью фокусника достала смешного осьминога. — А это, чтобы тебе в отпуске было веселее.

— Настька!

На этот раз меня так зацеловали, что уже через мгновение всё лицо было мокрое.

— Ладно, ладно, — смеясь, я попробовала уговорить подругу. — Главное, чтобы тебя дед отпустил. А то ты знаешь, как он к таким путешествиям относится.

И я кивнула на соль.

Глаша как банница и наполовину водный дух могла путешествовать благодаря вот таким дарам водной стихии к тому месту, где они были найдены. Но вот беда: без разрешения деда и хозяина дома портал открыть не удастся.

Правда, дед обычно не препятствовал. Ворчал ещё недели две, это да, но никогда не запрещал Глаше мотаться в заслуженный отпуск и греть бока в уютных заливах и весёлой компании тамошней нечисти.

Но вот сейчас подруга почему-то скисла от моих слов. И это было очень странно.

— Что такое, Глаш? — насторожилась я, но банница быстро пришла в себя и, вернув свой обычный жизнерадостный вид, махнула рукой.

— Не бери в голову, Насть, это я так. Задумалась, как старых хрычей уговаривать буду, — так Глаша, не стесняясь, величала моего деда и Ваську, иногда даже в лицо, но чаще всего

за спиной. — Но давай лучше о тебе поговорим, а то триста лет не виделись. Да не стой ты в проходе. Заходи! Садись! Я как чуяла, что ты приедешь, да с утра ещё натопила.

Банница утащила меня внутрь и усадила на лавку. Под её непрерывную болтовню я расслабленно откинулась и опёрлась головой о стену.

Как же хорошо быть дома! Да, именно дома!

И хотя здесь, у деда, я могла быть только шестьдесят дней в году, но всегда считала именно Залесье своим домом. Маленькое село, спрятанное на самой границе огромного леса в средней полосе России. Село, где на бумаге живут одни старики и осталось семь-восемь дворов от силы.

Где электрические провода провели только в восьмидесятых, а телефонные даже не утруждались.

«Глухомань», — пренебрежительно фыркнули бы сторонние наблюдатели.

«Самое волшебное место на земле», — с улыбкой ответила бы я.

И, конечно же, выиграла бы этот спор. Ведь мало где вот так, на бытовом уровне, можно было бы встретить существ, наделённых магией и способных творить такие чудеса, о которых вы и не слышали.

Город, полный суеты и бездушного камня, человеческий муравейник, маленькая двушка с картонными стенами, вечно недовольная и нервная мать...

Всё это было таким чужим и далёким мне. Ещё с раннего детства я будто бы замирала там, погружалась в глубокий равнодушный сон и только здесь...

В Залесье, близко к природе и вратам, я чувствовала, что оживаю и становлюсь собой. Меня захлёстывали эмоции, и радостная улыбка не сходила с лица.

Я не хотела уезжать отсюда. Даже когда приближался шестидесятый день и в груди начинало разгораться медленное пламя, что с каждым днём увеличивалось, обещая пожрать меня.

Даже когда в Прави некоторые существа меня не принимали и гнали как полукровку, я всё равно стремилась сюда, а не в прогнивший мир матери. Здесь всё было понятно и любо моему сердцу.

И поэтому я так и не смогла её простить за то, что...

— Насть, так что ты говоришь, твой этот... Как его, облезлого... Ах, точно, институт твой!

Глаша не привыкла, что я так долго на неё не реагирую. Я виновато передёрнула плечами и снова обратила всё своё внимание на подругу.

— Скучно у меня в университете, Глашенька. Учёба, цифры да пары. Скукотень!

— Ой, не скажи, не скажи, — замотала головой подруга, отчего её длинные зеленоватые волосы заходили, как волны. — А парни там какие, а? Наверное, все красавчики! Небось посмотрела себе уже кого-нибудь, признавайся?

Я посмотрела на Глашу, как на... В общем, на Глашу. Неужели она и правда думает, что после тех сногшибательных красавчиков, что мне довелось повидать в Прави, я буду залипать на наших прыщавых и потных парней из универа?

Я сильно сомневаюсь, что вообще во всей Яви найдётся хоть один, достойный тех мифических существ, живущих за гранью.

Но подруга была искренна в своём желании найти мне подходящего жениха, и я лишь махнула рукой.

— Не на кого там смотреть, Глаша. Вот правда не на кого.

— Ох, Настька, Настька, — сокрушённо покачала головой банница, прекрасно поняв, о чём я. — Одно горе тебе, девонька. Что ж она, окаянная...

— Забудем, Глаш, — поторопилась перебить я подругу, пока такая болезненная для меня тема не всплыла вновь. — Ты мне лучше вот что скажи. С каких это пор на нашу сторону Марья ходить повадилась?

— Что?! — взбеленилась банница, выпучив на меня и так огромные водянистые глаза. — Эта прохиндейка старая здесь была?

Глаша сжала длинные тонкие пальцы в кулаки и погрозила в сторону двери.

— Да если б я знала, я б её, заразу такую... Ух! И как котёнка в бочке утопила б.

— Про кота это ты зря вспомнила, — усмехнулась я угрозам подруги. — Васька услышит, ещё обидится. А ты его характер знаешь... Он Марью и прогнал, кстати. Но вот что меня тревожит, Глаш. Как она не побоялась сюда пробраться? Да ещё и со мной заговорила.

— С тобой?! — вот теперь в голосе банницы послышались тревожные нотки. — Ох, Настя, ох! — запричитала она и от волнения закрутилась на месте, как юла.

— Не хотела я говорить тебе, да и Всеволод не велел, но раз уж такое дело... — Подруга замялась, начав накручивать длинный зелёный волос от волнения на палец. — Осторожной тебе нужно быть, девонька, ох, осторожной. Тёмные дела у нас тут на границе творятся, а про Правь я уж совсем молчу.

И замолчала.

— Рассказывай, Глаш, не томи! — взмолилась я, понимая, что, если сейчас банница передумает, то после из неё даже клещами правду не вытащишь.

— Да что рассказывать, Настюшь, — вздохнула Глаша и сдалась. — Было бы чего, а так... Силушка начала из хранителей уходить. По капельке, а всё же убывает. Ты, наверное, по Ваське уже заметила?

Я кивнула, подтверждая подозрения подруги.

— Ну да, ты ж у нас всегда глазастая была, — продолжила банница. — Но куда исчезает и где прибавляется — неведомо. На тёмных думали, да только нет её у них. Хоть и наглеть стали, сама видишь. Всеволод да другие колдуны уж с ног сбились искать, что да почему, но ответа никто не знает.

— Даже в Прави? — ужаснулась я.

— Я тебе больше скажу, — перешла Глаша на шёпот. — Даже в Навь гонцов посылали. Не знают, куда уходит и что с ней стаётся. Но одно понятно — не к добру это всё, ой, не к добру.

Тут я с банницей была согласна. Не может сила хранителей Яви убывать просто так. Да ещё и тех, что на границе с Правью стоят.

И ещё одно... Я бы со счетов бабу Марью и ей подобных не скидывала. Эти старухи очень даже могут быть при делах, да ещё и этот взгляд, которым меня наградила одноглазая хранильница Нави... Бр-р-р!

Мурашки по коже!

— Правда, наши не очень верят, — будто прочитала мои мысли Глаша. — Да вот доказательств нет, а паскудный характер к делу не пришьёшь.

И то правда! Характер у старух был припаскудный. Не знаю, где их Мара, тьфу, тьфу, тьфу, не к ночи сказано, доставала, но эти полуживые бабы Ёшки дадут фору любой полуночнице.

— И что сейчас? — спросила банницу с замиранием сердца. — Что хранители делать будут?

— Я откуда знаю! — всплеснула руками Глаша, но так ненатурально, что я сразу поняла — увиливает от ответа.

— Глаааш!

— Даже не проси! Пусть дед тебе сам про сборы колдунов в Прави рассказывает! — и тут же закрыла рот рукой, будто проговорилась.

Проговорилась она, как же. Глаша хоть и выглядит слишком доброй и наивной для домашней нечисти, но всё же хитра и лукава, как все представители этого рода.

Поэтому я лишь кивнула на все уговоры деду не рассказывать, кто сдал всю контору, а сама призадумалась.

Колдуны раскиданы по всему миру и последний раз встречались... Чёрт их знает, когда они встречались! Не в этом тысячелетии точно, а значит, повод и правда важный.

Глава 3

— Дед, возьми! Ну правда, возьми меня с собой! Я как мышь под веником буду! Вась, ну ты скажи ему!

Дед возвёл страдальческий взгляд на Василия, кот ответил ему тем же самым. С этих двоих я не слажу уже третий день. Ещё бы! Они в Правь собираются, а обо мне, естественно, никто не подумал.

Хотя нет, подумали! Подумали, что я не узнаю, и они по-тихому свинтят, оставив меня на хозяйстве. Ага, как же!

У меня нюх на такие походы. Тем более что я уже успела заскучать по Праву. В три предыдущих года дед в моё посещение не ходил за грань, а тут такой шанс.

— Сиди здесь, нечего тебе по первому небу шастать. Ещё утащит кто.

— Меня? — Я искренне рассмеялась. — Внучку колдуна Всеволода, которую каждый оборотень, каждая русалка, каждая кикимора знает с детства? Дед, не выдумывай! Пусть меня там не очень любят, но чтобы причинить вред крови Хранителя... Мы ж не в Навь собрались, в самом деле.

Дед помрачнел ещё больше. И оттого, что логика с аргументами были на моей стороне, и от упоминания Нави. Но я слезать с него и Васьки не собиралась. Ни за что! Ещё год ждать такого шанса, а то и больше!

— Дед, я буду тихонько себя вести. Помогу вам с Васенькой, если что, — продолжила давить на предка, но, похоже, минутка слабости уже прошла.

— Э-э-э, нет, не надо нам таких помощников, — отмахнулся колдун. — Нечего тебе там делать. Опасно для тебя теперь там.

— О чём ты, деда? — вот теперь я по-настоящему удивилась. Правь опасна? Кому? Мне? — Ты ж меня ещё пуголовком туда таскал и не боялся, а тут вдруг опасно мне стало...

— То-то же оно, — важно поднял палец вверх дед, оставив на минуточку холщовый мешок, в который складывал всякие амулеты и стратегические запасы для него и Василия. Кстати, мои молочные сосиски тоже исчезли в бездонном чреве этого мешка, а пушистый предатель даже и не думал за меня слово мяукнуть.

Хотя отставим иллюзии, Настасья, он тебя всегда недолюбливал, этот проглот.

— Ты тогда мелкой была, и тебя только от игошек защищать надо было, и то они кровь мою чуяли да сами разбегались, а теперь что...

Дед пространно кивнул в сторону моей скромной двоечки, что едва проглядывалась на фоне футболки оверсайз.

— А что? — не поняла я поворот мыслей деда и тож посмотрела туда.

— Выросла ты, дурында, вот что, — отрезал дед, перестав ходить вокруг да около. — Знаешь, как нечисть девиц непорченных любит, а?

Вот тут-то до меня дошло, и я налилась краской, как спелый августовский помидор, но отступать не собиралась.

Пусть и не надеется!

— Дед, да кто ко мне подойдёт? Я ж кре...

Рядом предупреждающе зашипел Васька, выползая из какого-то своего закутка.

И я тут же захлопнула рот. Нечего даже напоминать родне о прискорбном факте, изменившем всю мою жизнь.

— Как бы там ни было, дед, никто на меня в Праву не позарится.

— Так уж никто? — спросил дед, лукаво зыркнув из-под густых бровей, на что я лишь пожала плечами.

Что они всё выдумывают! То Глаша разговор за кавалеров заведёт, то дед теперь на всякие непотребства намекает, но я на эти провокации не поддамся.

— Значит так, дед, — сказала, доставая из-под собственной кровати такой же мешок, что и у предка, только поменьше. — Вы как хотите, а я с вами пойду! Я Правь три года не видела и ещё год терять не собираюсь. Всё равно никуда нам от этого не деться, да ты и сам об этом знаешь, кровь не водица...

— Не возьму, — упёрся дед и взвалил на плечи мешок. Васька бесшумной пушистой тенью прыгнул Хранителю на плечи, и тот поднялся на ноги.

— Да что ж это такое! — всплеснула я руками, готовая взвыть не хуже того же упыря. — Дед, имей хоть какую-то совесть, в конце концов.

Но этот упрямый баран, в которого, похоже, я и пошла характером, даже не ответил и, миновав сени, вышел во двор.

Сдаться и остаться сидеть в избе? Ну уж нет!!!! Я тут с Глашкой взвою!!! От меня даже коморник прячется эти дни. Я уже молчу за русалок, кикимор и дядьку лешего. Все давно уже в Правы. Ни с кем не удалось и словом перекинуться. Лес пустой да полный гулкой тишины, и только вороны с тёмной стороны летают.

Глашка мне по большому секрету поведала, что в Правы праздник какой-то намечается, поэтому лес, поле, речка опустели. Да что речка, даже домашняя нечисть на недельку к родственникам в гости сбежала. Правь забита под завязку, как Сочи в год Олимпиады.

Так что я деду этого не прощу никогда, если...

Всеволод Левашов резко остановился, отчего я, не рассчитав скорость и траекторию, больно врезалась носом в совсем не старческую спину.

Ай! Ухватила за пострадавший орган, возмущённо пискнув. Да что ж такое?

Ответ был совершенно неожиданным.

— Собирайся, Настька, пойдёшь с нами, — вдруг выдал дед, даже не оборачиваясь.

А я что, а я ничё? Пискнув ещё раз, на этот раз от радости, я обняла спину деда, совсем позабыв о пострадавшем носе.

— Я уже и так готова, деда, — радостно прогундосила, выбираясь из-за спины предка. — У меня всё с собой, и я вас...

Хотела сказать «не задержу», но так и замолчала, удивлённая угнетающей картиной.

Над другой частью поселения заволокло небо. Мрачные, тяжёлые тучи, вот-вот готовые разразиться дождём, уныло ползли по небу.

Вороны, служительницы тёмных колдуний, бесшумно кружили на границе светлой стороны, не издавая ни звука, и от этого выглядели ещё более зловеще.

Сами же их госпожи присутствовали здесь же.

Все семь покалеченных, злобных старух, прислужниц Мары, стояли и смотрели на нас. Безмолвно! Многообещающе! Как в тех самых голливудских фильмах ужасов.

Бр-р-р!

Среди них я распознала ту самую бабу Марью. Одноглазая снова пробежалась по мне жадным взглядом и улыбнулась во весь свой беззубый рот.

Здрасте, приехали, а этим что здесь надо? Но тёмные Хранительницы молчали и смотрели.

Молчал и дед, выходя за ворота и демонстративно вешая печать Сварога (сильнейший защитный артефакт светлых сил) на забор.

Молчал и Васька, выйдя вслед за хозяином и другом и даже ни разу не шикнув на обнаглевших бабок ёжек. Лишь только шерсть у домового-оборотня стояла так, что Василий напоминал круглый шарик из шерсти, через которую провели двести двадцать электричества.

Все молчали, прекрасно понимая, что происходит вокруг.

И только я, святая простота, ещё пребывала в блаженном неведении. А нужно ли мне в это ввязываться?

Может, попридержать свой любопытный нос подальше от опасных магических дел?

Ага, счаззз!!! Чую, двадцатые каникулы у деда будут весёлыми и интересными!

В полной тишине и гордой поступью мы прошли по светлой улице, что упиралась прямо-мёхонько в лес.

Светло-зелёная чаща приветливо шумела, обдавая нас влажным, свежим запахом разнотравья с далёкими нотками хвои.

Пушистые лесные красавицы ёлки росли на другой стороне. Но уж очень мрачными и тёмными они были. Не говоря уже о всяких там корягах, мухоморах, вурдалаках, оборотнях и прочей гадости.

До нас долетал лишь лёгкий хвойный дух, что благополучно утопал в душистом букете.

Наши стройные красавицы берёзки, буйная высокая трава, миленькие цветочки и, конечно же, пузатые боровички благополучно перебивали дух конкурентов.

То же самое и с лесной нечистью. Обычно шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на аук, кикимор, русалок, нявок, билибошек и т. д.

Но только не сейчас! Всю последнюю неделю пограничный лес напоминал пустой и брошенный улей. Деревья уныло качали ветками, и где-то грустно пела одинокая птичка.

Оно и понятно. Нечисть не только заботится о лесе и его обитателях, но ещё и имеет прорву неуёмной энергии и на удивление садистское чувство юмора.

О чём сплетничать лисицам да медведям, если не о личной жизни и выдумках лесных духов?

Как бы там ни было, но сейчас лес заметно погрузнел, в чём я его отлично понимала. Сама скучаю по этим зубастым и рукастым проказникам, что вообще-то опасны для жизни.

Не моей, конечно же, а тех редких несчастных грибников, что на свою голову иногда приезжали поохотиться в глубинку. Да так и пропадали здесь или возвращались домой седые и слегка шибанутые, но уже с другой стороны леса.

Наша же деревня и край леса были заповедными. Как и тропа, по которой мы сейчас с дедом идём.

Простая такая тропа с виду, но это пока...

— Настасья, руку!

Приказал дед, протягивая свою огрубелую и мозолистую ручищу. Я без колебаний вкладываю свою ладонь в ладонь колдуна, доверяя безгранично, как всегда это делала с самого детства.

И дед крепко сжимает её в своей, пропуская Василия вперёд.

Слова заговора, что он шепчет, начиная движение, я разобрать не могу, но сам речитатив звучит так знакомо.

Правда, мне уже не до него! Тропа начинает меняться, открывая такую любимую и долгожданную картину.

Дорога в Правь была опасной и удивительной одновременно. Такой знакомый лес резко преображался, наполняясь невиданными доселе красками. Будто смотришь на него через стеклянный кристалл и видишь, как преломляется свет, наполняя мир радугой.

Но самое опасное было в другом. Дорога делилась на две части — светлую и тёмную. Вторая её часть была погружена в полумрак. Деревья на той стороне были искривлены и покорёжены. Колючие кустарники, камни, мох и следы не самых приятных обитателей.

Было очень символично, что одна и та же дорога вела в два мира. Правая — в радостный и светлый мир Прави (в который, кстати, не брезговали захаживать и жители противоположной стороны). А вторая, тёмная, — в печальную и угрюмую Навь, где царствовали чёрные боги.

Я старалась не смотреть на тёмную сторону и покрепче сжимать ладонь деда. Тот же, в свою очередь, шёл чётко шаг в шаг с Васькой, который, как одно из самых магически сильных существ, пробивал нам дорогу.

Не то чтобы дед сам не смог пройти по Тропе, но с Васькой всё же путь был намного безопаснее и легче.

Да и короче! Не успела налюбоваться причудливыми красками Тропы, как Васька свернул, и наши ноги ступили на каменистую почву.

Глава 4

Здесь, в Прави, всё было по-другому. Я наконец-то отпустила руку деда и со стоном наслаждения втянула полную грудь воздуха, будто стараясь поглотить его весь до конца.

Трудно описать ощущения человека, оказавшегося в Прави, но я постараюсь. Будто все ваши чувства обостряются, а тело наполняется небывалой лёгкостью. А ещё... Вы чётко ощущаете свою душу. То, что она у вас есть, её желания и чаяния.

Именно здесь, как нигде, понимаешь, что ты человек, как дивно ты устроен и каким чудом является твоё существование.

Не говоря уже о том восторге, что наполняет всё ваше существо, когда вы открываете глаза и видите перед собой бесподобную красоту Прави.

Прекрасные, укутанные пушистым туманом горы, бесконечные, укрытые шёлком нежных трав и цветов поля, смешливые быстротечные реки и важные озёра. И лес... Конечно же, бескрайний лес, в котором, возможно (я б вообще не удивилась), зародилась сама жизнь.

— Настасья, глазами не хлопай, не в музее, чай, — голос деда возвращает меня из полужизненного состояния в мир более приземлённый. — Давай переодевайся и амулеты не забудь.

Пока я мечтала и наслаждалась окружающей меня знакомой красотой, дед успел споро переодеться и уже повязывал поверх рубашки вышитый яркий жилет с оберегами.

Вздыхнув ещё раз украдкой и бросив томный взгляд в сторону каменистой дорожки, что вела через небольшой лесок и метров через двести обрывалась, я быстренько начала переодеваться.

Дед и Васька отошли в сторону, чтобы не мешать мне и не смущать себя, и явно намечали план действий. Кого посетить, кому заказ с Яви доставить, а у кого какие магические принадлежности выменять, а иногда и просто выпросить за услугу.

Я же в это время быстро вытряхнула из своей сумки льняной сарафан и большой платок, вышитый точно такими же символами, как и у деда. Эту вышивку подарила в знак своей любви ещё моему предку, могучему колдуну Изяславу, влюблённая в него по уши ведунья.

Моей прапрапрабабкой она не стала, но в память о хороших деньках деду досталась вышитая заговорёнными узорами жилетка. И каждый раз, когда избранница кого-то из колдунов беременела, от этого жилета отделялась ниточка, что с рождением малыша превращалась в ещё один жилет или платок (в зависимости от пола ребёнка). А когда наследник колдовского рода умирал и отправлялся в Славь, то волшебное изделие рассыпалось в прах, не оставляя после себя и следа.

Ну, кроме первого жилета, что сейчас на деде надет. Это первый подарок ведуньи, и он никуда из нашего рода не исчезает.

Правда, не единственный, которым наградила ревнивая любовница прапрапрадеда. Когда тот женился на другой, прокляла его ведунья проклятием мужской слабости, и так бы перевёлся весь славный колдовской род, если бы она не сменила гнев на милость. Через пару годков, конечно же.

Но позору предок нахвтался...

Ай, правда, это дела минувших дней.

Сейчас же я скинула с себя футболку, кроссовки, спортивные штаны, бельё и быстро натянула на себя белоснежную мягкую сорочку, а поверх неё светлый сарафан. Заговорённый платок лёг на плечи, оберег — на шею, и вот уже на каменистой лесной дорожке стоит русская девица с длинной косой.

Ну почти! Признаться, мой хвост по плечи на шикарные космы тех же русалок или нявок не тянет, но кто я такая, чтобы соревноваться с местными красотками? С ними вообще в конфликты лучше не вступать, а то можно и без этого мышинного хвоста остаться.

Нет, я была очень даже ничего, как для человека. Чёрные-пречёрные волосы, отличный знак нашего рода, большие карие глаза. Рот и нос, правда, тоже немного большеваты, да и фигура чересчур худая, без всех этих правильных выпуклостей, положенных в моём возрасте. Но это на мой привередливый вкус.

А так... Парни в универе очень даже не замечали моих «недостатков» и с радостью звали на свидание, вот только мне это было неинтересно. Я ни капельки не соврала Глаше, когда сказала, что в сторону людей даже не смотрю.

А как тут посмотришь, когда...

— Держи, Василий, — дед уже всё спаковал и положил мешок с вещами под камень, где мы обычно складываем вещи, принесённые из Яви. — Давай, Настасья, чего застыла? Нам до обеда надо в поле добраться. Бояна просила к ней первой заглянуть.

Я поморщилась и, быстро скомкав свои вещи, запихнула их в мешок, достав оттуда нож для оборота. Утро уже уверенно вступило в свои права, и, чтобы успеть к полудню, надо было хорошенько поторопиться.

Но дело было даже не в том, что в спешке не удастся насладиться ни видом, ни полётом.

Просто Бояна была той ещё стервой, и как-то уж повелось, что она меня не любила ещё пуще Васьки. Тот хотя бы молчал, а самовлюблённая полуденница не стеснялась проходиться по мне своим острым языком даже в присутствии деда.

Конечно, я не осталась в долгу и, как только подросла, так сразу же начала огрызаться, а потом и вовсе подсыпала ей серебряной стружки в женское молоко. Один из важнейших ингредиентов для зелий красоты, которые готовила себе тщеславная Бояна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.